

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-1-95-111

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

Н.Г. Магомедов¹

Введение
Политический, религиозно-политический и религиозный экстремизм
Различные варианты религиозно-политического экстремизма 98
О различных традициях в оценке религиозно-политического экстремизма
Феноменология исламского экстремизма
Заключение

Поступила в редакцию: 18.01.2020.
Передана на рецензию: 24.01.2020.
Получена рецензия: 18.02.2020.
Принята в номер: 05.03.2020.

Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме

Дагестанский государственный университет; nur3555@yandex.ru

В статье сравниваются формы политического, религиозного и религиозно-политического экстремизма. Их важно различать для корректной организации антиэкстремистской деятельности государства, правоохранительных органов и институтов гражданского общества, что обуславливает актуальность данной проблемы. Раскрываются некоторые причины превращения религиозного экстремизма в варианты религиозно-политического экстремизма. На конкретных примерах показывается, что религиозно-политический экстремизм связан не только с исламом, но и с другими конфессиями и культурами. Обосновывается важность конкретно-исторического подхода к религиозному и религиозно-политическому экстремизму. Раскрываются некоторые новые смыслы в оценке ваххабизма, состоящие в том, что не все его варианты связаны с экстремизмом. Поэтому эффективная работа по преодолению экстремизма предполагает дифференцированный подход к нему, без навешивания пропагандистских штампов и ярлыков.

Ключевые слова: *экстремизм, политический экстремизм, религиозно-политический экстремизм, религиозный экстремизм, исламский и неисламский экстремизм.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-1-95-111

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

N.G. Magomedov²

Introduction.
Political, religious-political and religious extremism.
Variants of religious and political extremism.
On different traditions in the assessment of religious-political extremism.
Phenomenology of Islamic extremism.
Conclusion.

Received: 18.01.2020.
Submitted for review: 24.01.2020.
Review received: 18.02.2020.
Accepted for publication: 05.03.2020.

¹ Нурмагомед Гаджиалиевич Магомедов – аспирант 2 г/о кафедры философии и социально-политических наук ДГУ; orcid.org/0000-0002-1896-4321.

² Nurmagomed Gadzhialievich Magomedov – postgraduate student at the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, Dagestan State University; orcid.org/0000-0002-1896-4321.

On Islamic Religious and Religious-Political Extremism

Dagestan State University; nur3555@yandex.ru

The paper compares the forms of political, religious and religious-political extremism. It is important to distinguish them in order to correctly organize anti-extremist activities of the state, law enforcement agencies and civil society institutions. Some reasons for transforming religious extremism into variants of religious-political extremism are revealed. Through specific examples, the author demonstrates that religious-political extremism is associated not only with Islam, but also with other faiths and cultures. The importance of a concrete historical approach to religious and religious-political extremism is substantiated. The author reveals some new meanings in the assessment of Wahhabism lying in the fact that not all of its varieties are associated with extremism. Therefore, effective work on overcoming extremism requires a case-specific approach, devoid of propagandist catchphrases and cliches.

Keywords: *extremism, political extremism, religious-political extremism, religious extremism, Islamic and non-Islamic extremism.*

Введение

Экстремизм имеет множество вариантов своего проявления, и любая его форма несет в себе деструктивный потенциал. Религиозный и религиозно-политический экстремизм встречается в жизни намного чаще, чем другие его формы, например, этнический, информационный, культурный, экономический и т. д. экстремизм. Чем же религиозно-политический экстремизм отличается от других форм проявления экстремизма? Религиозный и религиозно-политический экстремизм – это одно и то же? Если нет, то чем они отличаются? Чтобы эффективно управлять теми или иными процессами, необходимо их правильно определить по содержанию, объему, структуре и специфике действующих механизмов. Исторический опыт показывает, что к обострению социальной и духовной напряженности в стране и регионах часто приводят неспособность и нежелание различать религиозный и религиозно-политический экстремизм, а также следующее за этим расширительное толкование религиозно-политического экстремизма, когда под него подгоняются всякое инакомыслие и нетрадиционное толкование религиозных канонов.

Политический, религиозно-политический и религиозный экстремизм

В научных публикациях и в пропагандистско-публицистской литературе существует огромная масса самых различных подходов к пониманию этих понятий, расширяющих или, напротив, сужающих их содержание и объем. Потребности целенаправленной организации всей работы по профилактике экстремизма настоятельно требуют определения сущности этих понятий и форм деятельности. Методологически важно определить содержание религиозного и религиозно-политического экстремизма, чтобы охватить своим вниманием все их проявления.

С одной стороны, поскольку политика есть «концентрированное» выражение общественных и личных потребностей, то политической становится любая проблема, которая затрагивает основополагающие интересы больших групп людей. Религия является именно такой сферой, затрагивающей коренные духовные потребности огромного количества людей и их ценностно-смысловое самоопределение. Поэтому религиозные проблемы не могут не быть политическими.

С другой стороны, наряду с такой внутренней связью религии и политики можно утверждать, что политический экстремизм является самостоятельной сферой проявления радикализма, связанной не только с религиозными, но и со всеми

другими социальными и духовными процессами. В начале XXI века экстремизм не только выходит на уровень локальных и глобальных процессов политической жизни, но и становится непосредственно востребованным отдельными политическими движениями, не мыслящими своего существования без экстремизма [13, с. 345]. В этих условиях политический экстремизм складывается как особый вид деформированной политической активности, постоянно испытывающей власть на прочность и укорененность в обществе. Феномен политического экстремизма является особым системным следствием постоянно воспроизводящегося в обществе социального напряжения и активного столкновения противоборствующих политических течений, тенденций и сил, представляющих различные политические группы, имеющие несовместимые между собой идеологические взгляды на жизнь человека и общества, на социально-экономическое устройство государства и способ организации межгосударственных отношений в мире.

Таким образом, политический экстремизм, с одной стороны, представляет собой самостоятельный социальный феномен, имеющий свои внутри- и внешнеполитические формы проявления. С другой стороны, политические механизмы непосредственно вплетены в ткань всех других социальных и духовных процессов; поэтому мы говорим об идейно-политическом, этнополитическом, политико-экономическом, религиозно-политическом и т. д. экстремизме.

Исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что, во-первых, все слова в понятии «религиозно-политический экстремизм» имеют глубокий смысл. Во-вторых, понятия «религиозный экстремизм» и «религиозно-политический экстремизм», с одной стороны, имеют много общего, но между ними имеются существенные различия, заключающиеся прежде всего в целевых ориентирах самой экстремистской деятельности. Если экстремистское содержание ограничивается пределами конфессиональной идентичности и не выходит за границы конфессионального многообразия, не затрагивает векторов общественного-политического развития и социального обустройства людей, то речь может идти только о религиозном экстремизме.

Религиозный экстремизм связан как с основными догматами данной религии, так и с определенными частными сторонами религиозной идеологии, ее обрядовыми и культовыми составляющими. К нему относятся:

1. Принципиальное несогласие с некоторыми смыслами в понимании религиозной символики и толкований Священных текстов, каноническими и обрядовыми традициями в рамках определенной конфессии. Уверенность в том, что традиционное толкование не отражает истинного содержания религиозной доктрины и не соответствует подлинной сути вероучения. Отсюда – конфессиональный эгоизм, проявляющийся в убежденности в том, что только они являются носителями подлинной веры, а все остальные – различные варианты заблуждений и отхода от истины и правды.

2. Призывы к радикальным религиозным нововведениям для восстановления и утверждения истинной религии или, напротив, отрицание всех нововведений, искажающих сущностные, канонические и обрядовые особенности данного вероучения, как в случае с ваххабизмом.

3. Подведение под религиозную экстремистскую идеологию и практику аргументной базы, основанной на Священных текстах, высказываниях и деяниях пророков, а также других авторитетных религиозных представителей.

4. Призывы к радикальным изменениям основных культовых и обрядовых сторон традиционной религии. Принуждение к исполнению определенных культов, ритуалов и одновременное запрещение духовных практик, привычных для большинства представителей данной конфессии.

5. Создание конфликтной и драматической ситуации, обстановки нетерпимости вокруг понимания канонических и обрядовых аспектов вероучения, вокруг определения смысла Божественного откровения, организация гонений на носителей тех или иных смыслов вероучения.

6. Тотальное осуществление религиями запретительной тактики и стратегии, когда насаждается только одна смысловая трактовка, утрачивается дух толерантности и миролюбия, присущих всем конфессиям. Запрещение деятельности всех других толкований Священного Писания.

7. Организация массовых акций, где подвергаются «анафеме», проклятию носители иных смыслов вероучения, формирование среди верующих инициативных групп и активистов для подавления инакомыслия и устрашения идейных противников.

8. Разделение верующих на противоборствующие лагеря на базе формирования образа «врага» подлинной веры, строгое разделение вероучения на «правильную», «истинную» и «неправильную», «неистинную», «реакционную».

9. Формирование культа личности определенных лидеров, признание за ними истины в последней инстанции.

10. Непримируемое отношение к иноверцам, рассмотрение их как еретиков, крайняя религиозная нетерпимость к представителям иной веры и носителям иных толкований своей конфессии. Рассмотрение всех инаковерцев как врагов истинной веры, угрожающих подлинной вере, и выраженная агрессия против них.

12. Представление социального содержания своей религиозной парадигмы в форме определенного идеала праведной жизни и правильной общественной организации.

13. Бинарно-дихотомическое мышление по принципу «или-или», направленное на прямолинейную поляризацию мира по метрике «истина-ложь», «подлинная и неподлинная вера», «добро-зло».

Религиозно-политический экстремизм начинается там и тогда, где и когда к религиозному, мировоззренческому и конфессиональному дискурсу, отражающему сложную драматургию внутрирелигиозной теории и практики, прибавляются социально-политические концепты, связанные с требованиями насильственного изменения государственного строя, нарушения территориальной целостности страны и ее суверенитета, коренной реформы всех структур властных отношений, конституционных норм, определяющих права и свободы человека, взаимодействие государства и религии, использование для этой цели религиозной вражды и ненависти. Он, как отмечается в литературе, «существует в трех взаимосвязанных формах: 1) как состояние сознания (общественного и индивидуального); 2) как идеология (религиозная доктрина); 3) как совокупность действий по реализации религиозной доктрины» [19, с. 28]. В последнем случае, когда экстремистские действия становятся организованной системой, функцией определенных общественно-политических структур и это сопровождается действиями по захвату власти, организацией вооруженных формирований, угрожающих безопасности и обороноспособности страны – все такие проявления религиозно-политического экстремизма идентифицируются как терроризм.

Различные варианты религиозно-политического экстремизма

История всех без исключения конфессий показывает убедительные примеры преобразования религиозного экстремизма в религиозно-политический экстремизм,

тем самым превращение явления, отражающего внутрирелигиозные процессы, в религиозно-политическую доктрину, выводящую религию далеко за пределы религиозного дискурса. Есть такие примеры и в истории ислама, особенно связанные с ваххабизмом, который часто называют салафизмом.

Для человека, не «зашоренного» махровым радикализмом, очевидно, что сама исходная идея ваххабизма – вернуться к истокам нравственно чистого исламского вероучения времен пророка Мухаммада, убрать нововведения, приведшие к отходу от понятных и простых исламских истин, – это надежный путь к оздоровлению исламского вероучения, ничего экстремистского не содержит. Так же можно оценивать и предложения отказаться от традиций и обычаев, привнесенных в ислам после смерти Пророка, культа святых людей, «авлийя», их захоронений, характерного для суфизма, и многих других, которые усложняют вероучение и засоряют простые истины исламской религиозной догматики и обрядности.

Оппоненты могут возразить: а как же быть с экстремистской в своей основе идеей джихада, священной войны против немусульман и, что важно, против мусульман, которые не разделяют такой воинственной установки, т. е. являются *мунафиками* – лицемерами?

Во-первых, необходимо отметить, что такая агрессивная тональность в тех исторических условиях была характерна для всех конфессий, и ислам не был исключением. Например, бог Яхве призывает иноверцев: «Жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, вырубите священные рощи их ...» [9, гл. 34, ст. 13].

Более мягкая тональность, но все же неприязненная по отношению к другим верованиям, имеет место и в Новом завете: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть» [17, Мтф. 6:24]. Поэтому «кто не со Мною, тот против Меня: и кто не собирает со Мною, тот расточает» [17, Мтф. 12:30].

Не секрет и то, что в Коране имеется еще более резкая и однозначная метрика отношения к иноверцам, вплоть до призывов к физическому уничтожению неверных [10, 2:191; 8:12, 17; 9:5, 14, 29].

Во-вторых, в праве и религиоведении существуют общезначимое правило – не давать никаких правовых и нравственных оценок экстремистским контентам священных текстов всех религий, поскольку в таком случае мировоззрение и моральные императивы одного исторического периода некритически переносятся в совершенно другое историческое пространство и время, что категорически недопустимо.

В-третьих, джихад в современном исламе означает не только и не столько войну с неверными, сколько утверждение и распространение его за счет укрепления веры, гармонии веры и разума, инклюзивного мышления, межконфессионального и межкультурного диалога, о чем написано немало работ [2; 5; 16; 21; 23; 27 и др.].

В-четвертых, призывы вернуться к первоначальным истокам веры, ясным, понятным и более справедливым, и сейчас встречаются в христианстве и других конфессиях, и никому не приходит в голову оценивать их как экстремистские.

В-пятых, разве само это учение виновато в том, что его постулаты спустя много веков стали использоваться для насаждения практического экстремизма и терроризма? Разве Ф. Ницше виноват в том, что его идеи сильного, волевого человека, способного видеть и оценивать добро и зло, стали руководством для деятельности идеологии фашизма? Будут ли виноваты библейские авторы, если под лозунгами, нами процитированными, христиане начнут массовые погромы? Эти вопросы слишком сложные, чтобы сразу и однозначно на них ответить.

Первоначально постулаты, сформулированные аль-Ваххабом, касались только самой мусульманской уммы, в которой все разногласия должны решаться путем налаживания внутриисламского диалога, без политизации и радикализации вероучения. Не менее очевидно и то, что деструктивные и радикальные механизмы в ваххабизме стали проявляться не сразу, а по мере превращения его идей в официальную политическую доктрину некоторых государств. В подобных превращениях налицо переход от религиозного экстремизма к религиозно-политическому экстремизму. Здесь мы встречаем классический диалектический процесс «отрицания отрицания», который приводит к превращению явления в свою противоположность. Попытка ваххабитов возвращения к справедливым нравственным и гуманитарным истокам ислама насильственными средствами закономерно привела к формированию жесткой, не самой справедливой и нравственно безупречной идеологии: произошел переход одной крайности в другую. Современная история мусульман, которая для многих людей представляется в виде терактов, гонений на носителей других убеждений, варварства и вандализма, доказывает принципиальную трансформацию учения Ибн Абд аль-Ваххаба – от чисто религиозной идеологии к религиозно-политическому концепту. «Возрождение» нравственного учения посланника Аллаха насильственными, то есть безнравственными методами не могло пойти по иному пути, как «возврат» к приоритету политического в халифате [26, с. 367].

К сожалению, в нашей стране, как и в других странах, социальной и духовной стабилизации часто мешает это непонимание различий между религиозной и религиозно-политической идеологиями. Отсюда – расширительное представление о религиозно-политическом экстремизме, когда под него подгоняется любое религиозное инакомыслие. Тем самым создается «жупел экстремизма», видящий во всем экстремистскую мотивацию, когда формируется неприятие всякого инакомыслия, что само по себе прямо или косвенно способствует распространению этого самого экстремизма. Самое страшное в том, что такое понимание часто возводится в ранг официальной политики, закрепляется в соответствующих документах, что служит правовой базой для деятельности правоохранительных органов.

Есть еще один вектор смешивания понятий религиозного и религиозно-политического экстремизма, когда любой экстремизм рассматривают как идеологию и практику, направленную против государства, властных отношений, конституционных и идейных основ государства. Перед носителями религиозного экстремизма и в историческом, и логическом плане нет и не было подобных задач. Основная цель религиозного экстремизма заключается в признании своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий через принуждение их к своей системе религиозной веры. Превращение религиозного радикализма в религиозно-политический экстремизм связано с включением в орбиту своего целеполагания изменения государственно-политических устоев, превращения религии в орган верховной власти и инструмент идейно-политического руководства. Наиболее ярые экстремисты ставят своей задачей создание отдельного государства по моделям халифата, теократического сообщества, правовые нормы которого будут заменены нормами общей для всего населения религии.

О различных традициях в оценке религиозно-политического экстремизма

Многие международные органы обращают внимание на наличие расширительного толкования экстремизма вообще и религиозного и религиозно-политического в частности в российских правоустанавливающих документах. Например, Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРИ) настойчиво рекомендует нам пересмотреть содержательное определение экстремизма, «распространяя его лишь на наиболее серьезные случаи, связанные с формированием ненависти и насилия, и четко изложить критерии для объявления какого-либо материала экстремистским» [6, с. 4]. Так, в качестве одного из замечаний европейскими аналитиками указывается наличие диспропорций в сочетании механизмов формирования толерантности и патриотизма, проявляющихся в том, что российское законодательство слишком «политизирует» антиэкстремистскую работу, например, преувеличивает значение механизмов воспитания патриотизма в ущерб формированию толерантности. С последним тезисом нельзя согласиться, так как в этих вопросах недопустимо дизъюнктивное разведение по противоположным полюсам вопросов формирования патриотизма и толерантности, мышление по принципу «или-или»: или патриотизм, или толерантность. Разве толерантность означает отказ от патриотизма, а формирование толерантности должно осуществляться за счет ослабления методик воспитания высокого патриотизма? Одно никак не ослабляет другого. Более того, это два вектора формирования современной цивилизованной культурной идентичности. Это, во-первых.

Во-вторых, соглашаясь с некоторыми замечаниями Совета Европы, особенно по части усиления работы по формированию культурной, этноконфессиональной и иной толерантности, нельзя допускать в современных условиях «упрощенных» вариантов оценки экстремизма, значительно суживающих пределы действия данного закона. Не секрет, что во многих международных документах и научных публикациях экстремизм трактуется узко, он понимается исключительно только как политический и идеологический экстремизм. Такое узкое понимание экстремизма имеется в материалах Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятой международным сообществом в 2001 г. [24]. В Федеральном законе РФ от 10.01.2003 № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» отмечается, что «экстремизм – деятельность, направленная на насильственный захват власти или ее насильственное удержание, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно посягательство на общественную и государственную безопасность, в том числе организация для этого незаконных вооруженных формирований или участие в них» [22].

Очевидно, что здесь речь идет исключительно о политическом экстремизме, связанном с покушением на основы государственного строя, и о терроризме, а о многих сферах проявления экстремизма нет ни слова.

Традиция разделения экстремизма на политический, религиозно-политический и религиозный отражает отечественный и зарубежный опыт исследований и организации антиэкстремистской работы. Хотя иногда имеет место и не совсем привычные для нас формы экстремизма, как, например, *виджилантизм* или *вигилантизм* – экстремистская форма «уличного правосудия» в условиях отсутствия эффективного законодательства для защиты существующего порядка насильственными средствами, связанная с применением чрезмерного насилия с целью быстрого наказания преступника. В нем сочетаются черты религиозного, политического, этнонационального радикализма и экстремизма. Вигилантами

называют людей или группы, которые берут на себя решение задач по реализации правосудия и утверждения справедливости вне правовых и судебных механизмов. Набирает популярность и расширяет свою деятельность кибервиджилантизм (network vigilantism), когда волонтеры объединяются для выслеживания актуальных и потенциальных экстремистов и террористов в сети [15].

Или, например, весьма распространенные в истории и на современном этапе во всем мире *милленаризм, милленаристские движения* (millenarianism and millennial movement), также имеющие многие признаки радикализма и экстремизма. Это явление, распространенное во всех культурах и религиях, основано на вере в неминуемый конец существующего мироустройства и наступление совершенно нового справедливого общества. Милленаристские идеи, как правило, обращены к людям, обделенным в культурном, духовном и экономическом статусе и уповающим на божественную или иную сверхъестественную силу, которая способна радикально изменить несправедливый миропорядок. Для иудаизма это произойдет с приходом Мессии; в христианстве – со вторым пришествием Христа, за которым последует вечное царство мира и справедливости. Эти идеи распространены и в исламе, особенно у шиитов и друзов, которые живут в ожидании пришествия исчезнувшего имама или махди – спасителя. А пока же, до его пришествия, такую функцию лидера, вали-факих, выполняет аятолла, являющийся духовным вождем всех шиитов [7].

Важно выяснить, почему именно религиозный и религиозно-политический экстремизм выдвинулся в исламе на фоне других его проявлений: этнического, культурного, экономического и всякого иного. Понятно, что таких причин политического социального, духовного, экономического, культурного и т. д. порядка множество. Выделим только одну причину. Любой человек и любая общность непременно должны самоутверждаться определенным образом в культуре и обществе, находить свою идентичность. Возможны конструктивные, созидательные механизмы этой идентификации в социально-экономической сфере, в различных отраслях духовной сферы – науке, религии, искусстве, спорте и т. д. К сожалению, иногда выбирается не самый эффективный и правильный способ идентификации.

В комплексе многих составляющих индивидуальной, коллективной и социальной идентичности может быть множество факторов: религия, этнос, культура, искусство, образ жизни и особенности менталитета, профессиональные тезаурусы и т. д. Чем шире перечень таких идентентов, консолидирующих людей в определенные общности, тем мягче выражены различные социальные противоречия, тем меньше экстремальных, крайних проявлений. Как только происходит монополизация каким-то идентентом этой консолидирующей функции, противоречия выступают острее, перерастая в экстремальные формы.

Например, исторически для России в качестве основного объединяющего фактора выступала культура. В условиях многоконфессионального бытия она даже в большей степени, чем религия, отражала социальное и духовное единство страны. Это естественно. Именно культура служит основным интеграционным фактором всего российского общества для индивидуальной, коллективной и социальной идентификации. Именно она «являла собой выражение национальной энергии и вырабатывала основной идентификационный потенциал для укрепления государственности и целостности общественного устройства» [8, с. 195].

Действительно, в полиэтническом и многоконфессиональном обществе именно культура в состоянии объединить многочисленные информационные потоки (языковые, религиозные, этносоциальные и т. д.). Именно через культуру и искусство вырабатываются все основные нормы идентификации (технические, моральные,

эстетические и др.), которые обеспечивают субъективные и объективные условия жизнедеятельности.

Исторически случилось так, что Советский Союз не смог в полной мере эффективно включить исламский мир в единый для всей страны культурный механизм идентификации людей. В этом направлении было сделано очень много, но слияния в единое культурное пространство исламского и неисламского населения не произошло. Поэтому многие механизмы межкультурного взаимодействия оказались не столь прочными, и в итоге после развала страны они также распались.

На место утраченной культурной идентичности должен был прийти другой духовный контент, и естественно, что в условиях поликультурного, полиэтнического и многоликого мусульманского мира таким основополагающим идентентом выступила исламская религия. Именно через религиозные механизмы идентификации стали проходить все иные векторы коллективной и социальной консолидации. В этих условиях понятно, почему именно религия становится местом проявления всей драматургии бытия мусульманского мира, где действуют и векторы консолидации, и противоположные центробежные тенденции, включая экстремистские проявления сознания и поведения.

Конечно, сказанное вовсе не означает, что в арсенале радикализма существует исключительно политический, религиозно-политический и религиозный экстремизм. Имеется множество примеров культурного, экономического, информационного, этнического, научного и даже экологического экстремизма. Есть даже такие, которые вообще не мотивированы или слабо мотивированы ни политически, ни конфессионально, ни по-другому. Например, в современном виртуальном информационном пространстве есть немало деструктивных практик, имеющих депрессивно-агрессивный контент по формуле «насилие ради насилия», достаточно популярные, особенно среди молодежи. Их цель заключается в формировании у юношей и подростков такого управляемого мировоззренческого настроя, чтобы в нужный момент подтолкнуть их к совершению определенных суицидальных или агрессивных действий, которым, в зависимости от контекста, может придаваться общественно-политическая, религиозная, этническая или иная мотивация. Организаторы сети подобных интернет-сообществ потенциально готовы подвести подростков, в зависимости от индивидуального склада, темперамента и других личностных особенностей, к экстремистским, суицидальным и террористическим действиям. Например, всем хорошо известны так называемые «колумбайнеры», которые совершенно немотивированно перестреляли больше десяти старшеклассников американской школы «Колумбайн», что и дало название целой категории экстремистской деятельности. Прискорбно, но «героизация» и романтизация подобных действий в Сети, особенно «вКонтакте», привела к валу похожих акций в нашей стране, наиболее кровавой из которых стала трагедия 17 октября 2018 г. в Керченском политехническом колледже.

Раньше экстремизм и терроризм имели четкую идеологическую подоплеку, связанную с политической, духовной и идеологической борьбой различных социальных систем и конфессий. Это хорошо известно из истории. Можно сказать, что процесс деидеологизации, о которой много говорили З. Бжежинский и другие западные политики и ученые, затронул и экстремистскую деятельность. За тем или иным проявлением экстремизма уже не просматривается четкая идеологическая, социально-политическая или духовно-ценностная платформа. Часто цель экстремистской идеологии и деяния состоит не в том, чтобы преобразовать мир, что было характерно в прошлом для любой идеологии, а чтобы его радикализировать. Такое восприятие экстремизма ведет к росту случаев немотивированного,

спонтанного насилия, что в еще большей степени усугубляет существующие противоречия.

Это обстоятельство затрудняет борьбу с таким экстремизмом; если бы у него была четкая политическая, идеологическая или культурная программа, с ним было бы легче бороться, поскольку мы знаем его концепцию, цели и задачи. Часто имеют место «экстремизм ради экстремизма», «терроризм ради терроризма»: они уже не имеют изначально им присущей идеологической и политической окраски.

Мы проанализировали лишь одну грань соотношения политического, религиозно-политического и религиозного экстремизма. Другая грань связана с методологией постижения более общей взаимозависимости и отношений религии и политики вообще, безотносительно к экстремизму. То, что они всегда так или иначе взаимосвязаны, и в определенных условиях эти взаимодействия усиливаются и расширяются, нет необходимости доказывать в силу очевидности. В этом аспекте одинаково ложной будет как политизация религии, так и принципиально аполитическая ее трактовка. Последняя, в конечном счете, оказывается скрытой политизацией, вытесняющей религию из пространства публичного обсуждения, которое всегда имеет политические следствия. Если религия затрагивает основы человеческого существования, то она не может не иметь выхода и в политическое измерение. Другое дело, этот выход может не осуществляться в виде конкретной политической программы, рецепта или формы правления.

«Переходным мостиком» от религии к политике и обратно служит религиозная идеология. Именно благодаря своему идеологическому статусу религия включается в политическую жизнь и, напротив, происходит сакрализация политических конфликтов, о чем говорили и Н. Бердяев, который рубеж XIX–XX вв. называет «новым Средневековьем» [4]. О возрождении Средневековья, т. е. о возвращении религиозной идеологии в политику, писал У. Эко [25, с. 262]. Также можно проследить связь религиозного и политического фундаментализма. Как отмечает Г. Рормозер, фундаментализм вначале возник в русле религиозного сознания и только со временем стал политическим фундаментализмом [20, с. 223].

Такая диалектика религиозного и политического сознания имеет место в истории всех мировых религий, но особенно в истории ислама. Ведь хорошо известно, что исламский фундаментализм прежде всего есть реакция на западную социальную и политическую глобализацию, навязывание всему миру общечеловеческих ценностей и стандартов жизни, демократии, в том числе с помощью военной силы. В этом противостоянии западному менталитету большую роль сыграла концепция панисламизма – идеологии вненационального, внеклассового единства всех мусульман, которая стала идейной основой исламской солидарности во всем мире. Таким образом, процессы, имеющие религиозную основу, становятся базой политической консолидации.

Религия – одна из форм общественного сознания и общественных отношений, тесно вплетенных в ткань самой человеческой жизнедеятельности. Следовательно, религиозный экстремизм, особенно в современных условиях, невозможно понять вне связи с социально-политическими процессами, в том числе с политическим экстремизмом. Поэтому вполне оправдано использование в научной литературе и публицистике термина «религиозно-политический экстремизм». Так было и в мировой истории, когда социально-политические движения облекались в определенные религиозные формы. История всех религий наглядно показывает, что религиозный экстремизм является формой политического экстремизма, и напротив, политический экстремизм есть способ выражения религиозной нетерпимости. Сказанное особенно справедливо в отношении ислама, поскольку он являет собой не

только форму общественного сознания и идеологическую матрицу, находящуюся в стороне от социально-политических процессов, но и образ жизни по определенным правилам. Поэтому политический экстремизм во многих регионах исламского мира принимает форму религиозного экстремизма. Особенно это верно в отношении Северного Кавказа, который на протяжении всей истории был ареной противостояния различных социально-политических доктрин и завоевательных стратегий. Из социальной философии мы знаем, что любой вопрос – экономический, социальный, духовно-мировоззренческий или другой – как только он затрагивает интересы больших масс людей, становится политическим, поскольку политика является концентрированным выражением социально-экономической динамики.

И еще одно важное замечание. Очень часто в общественном сознании доминирует установка, по которой религиозно-политический экстремизм связывается исключительно с исламом. К сожалению, такую позицию разделяют иногда даже известные представители иных конфессий и интеллектуалы, к голосу которых прислушиваются многие люди, что резко повышает метрику ответственности их высказываний. Так, авторитетнейший богослов и философ Андрей Кураев характеризует ислам как агрессивную, бескомпромиссную религию, стремящуюся к политической, духовной и социальной монополии, которой изначально присуще экстремистское содержание. Поэтому, заключает он, «стабильный позитивный, равноправный диалог с исламом для иных конфессий невозможен. Диалог с ними может осуществляться только с помощью принуждения. Мир ислама ответственен за исламский терроризм – и, тем более, что отказывается увидеть эту свою ответственность» [11].

Уже само наличие подобных высказываний показывает, что религиозный экстремизм связан не только с исламом, он имеет общекультурное и общеконфессиональное измерение. Кто будет отрицать экстремистское содержание деятельности известных сект, таких, как «Белое братство», некоторых ответвлений баптизма, Церкви «Свидетелей Иеговы», «Аум-Синрике» в Японии, организовавшей в свое время газовую атаку в токийском метрополитене, современного неоязычества, инглиизма в России и других, которые получили известность своей экстремистской и даже террористической деятельностью и объявлены в России и многих странах экстремистскими организациями. Они запрещены в судебном порядке.

Исламский религиозно-политический экстремизм имеет несколько векторов своего проявления:

- внутриисламские экстремистские движения, связанные с идейными, концептуальными и обрядовыми различиями в самой конфессии;
- экстремизм в отношении исламской уммы к остальному миру, связанный с неприятием общечеловеческих культурных, цивилизационных процессов, антропоцентризма, демократизации и глобализации современного общества;
- радикальные антиисламские движения, направленные против возрастающего влияния ислама, современных миграционных процессов.

Не следует забывать о том, что в мире действует множество субкультур, крайне оппозиционных исламу. Так, недавно городской совет Дрездена заявил о «чрезвычайной ситуации» в связи с активностью неонацистов и антиисламистов, о том, что антидемократические, ксенофобские и правоэкстремистские воззрения и конкретные действия резко возросли в последнее время. Выборы в парламенты Саксонии, Бранденбурга и Тюрингии, прошедшие осенью 2019 г., показали усиление правых антиисламских радикальных тенденций, особенно на территории бывшей Восточной Германии. Например, ультраправая партия «Альтернатива для Германии» получила более 17 % в выборах в городской Совет Дрездена. В 2014 г. в городе

появилось националистическое движение под названием «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (ПЕГИДА) с откровенно экстремистскими программными целями. Оно было особенно активно во время миграционного кризиса 2015–2016 годов. По данным правозащитной ассоциации RAA Sachsen, за 2018 г. к ним за помощью обратились 60 жителей города, которые стали жертвами насилия, что свидетельствует о росте экстремистских тенденций в обществе [3]. Депутаты наметили ряд мер для укрепления демократической культуры и толерантности и для эффективной защиты представителей национальных и религиозных меньшинств от экстремизма и ультраправого насилия.

Феноменология исламского экстремизма

Одно важное методологическое требование, без которого сущность религиозно-политического экстремизма будет непонятна ни для ученых, ни для обывателей, ни для силовиков, организующих непосредственную антиэкстремистскую и профилактическую деятельность. Сами по себе канонические разночтения, различное понимание смыслов Священных Писаний, роли тех или иных пророков и других персонажей вероучений, вопросы собственного понимания символов веры, если они не сопровождаются насильственными и карательными действиями, не могут считаться экстремистскими. Другими словами, здесь категорически недопустимо мышление или поведение по формуле: «сектант или ваххабит – значит экстремист». В этом мы усматриваем прямое нарушение конституционной нормы о свободе вероисповедания, а для ислама это несоблюдение иджихада, согласно которому каждому сознательному и достаточно подготовленному мусульманину дано право самостоятельно толковать смыслы текстов Корана и Сунны исходя из своего мироощущения и воспитания. В этом плане пропагандистские штампы типа «Долой ваххабизм!» или «Осторожно ваххабизм!» есть не что иное, как грубые попытки формирования у населения и верующих негативного и нетерпимого отношения к любому, кто придерживается иной веры.

Одна из причин не ослабляющегося накала внутриисламского противостояния заключена в том, когда одни начинают принуждать других к своей вере и пониманию этой веры. Самое поразительное в следующем: почему-то мучительные поиски Вл. Соловьевым основ подлинной веры, даже публичный отход его от православия, его убеждения, что современное христианство извратило чистую и подлинную веру изначального христианства, оно стало частью государственной машины и утратило самобытность и самостоятельность, поэтому надо возвращаться к своим первоначальным вероучительным истокам и т. д., никто и не думает рассматривать как проявление религиозного или политического экстремизма. Напротив, мы в этом усматриваем подлинную глубину таланта великого мыслителя и философа, неравнодушного к судьбам страны и ее духовно-нравственным основаниям. А примерно такие же установки во внутриисламском диалоге и в обществе в целом рассматриваются как проявление экстремизма. Тут если и есть экстремизм, то с совершенно другой стороны, поскольку связан с радикализмом, нетерпимостью к другим верованиям и их смыслам. Ведь уже на законодательном уровне однозначно решено, что вопросы веры, Священные тексты не могут быть предметом дискурсов на предмет экстремизма. И это надо понимать не только в историческом плане, но и в логическом, то есть в принципиальном плане, и это должно стать максимой всякой веры и всей государственной и общественной политики по отношению к вере. Кто хоть сколько-нибудь знаком с диалектикой, а ее законы и принципы мышления еще никто не отменял, знает, что в любом явлении

есть как минимум две стороны, реально их бывает больше, и экстремистская деятельность не является исключением. Пока мы этого не поймем, эффективность профилактики и борьбы с экстремизмом будет низкой. Ведь экстремизм не в самих формулах веры, а в том, что они используются для расправы с противниками, оппонентами, для влияния на политику и власть, включают в себе элементы радикализма и насилия. Поэтому «пора более активно работать со всеми законопослушными течениями в мусульманской среде, привлекая к пропагандистской работе их авторитетных алимов. Наша задача – сделать их своими союзниками в борьбе с идеологией экстремизма и терроризма [14, с. 37].

К сожалению, ситуация усложняется тем, что некоторые представители Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) занимают такую неконструктивную позицию, согласно которой «ваххабит» означает экстремист или, что еще хуже, террорист. Дело доходило до того, что некоторые переводы Корана, в том числе лауреата Государственной премии РФ М.-Н.О. Османова были названы экстремистскими [18]. Как отмечает З.М. Абдулагатов, «представители ДУМД, а под их влиянием и представители власти, в определении «ваххабита», террориста, экстремиста смешали два совершенно различных явления: а) склонность к насилию под религиозными, а часто под квазирелигиозными лозунгами; б) твердую приверженность к определенным убеждениям и индивидуальному образу жизни, которые человек считает правильными» [1, с. 3–4].

Аналогичную позицию, где нет дифференцированного подхода к ваххабизму, мы встречаем у многих алимов Дагестана и Кавказа. «Ваххабиты – это те, кто идет по пути уничтожения ислама изнутри, искажая истинный смысл Корана и хадисов». «Где бы ваххабиты ни появились, там они сеют смуту среди людей, стравливают простой народ с представителями власти, таким образом, нарушая закон и порядок в этих странах. Из-за их деятельности у людей всего мира складывается мнение об исламе как об экстремистской, жестокой, агрессивной и дикой религии» [12, с. 13, 18]. Понятно, что такие однозначные оценки только обостряют ситуацию и не способствуют социальной и конфессиональной консолидации.

Дифференцированного подхода не было и в законе «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории РД», принятом Народным Собранием РД в 1999 г., где ваххабизм однозначно был определен как экстремизм без всякого учета конкретно-исторических реалий и конституционных норм, регулирующих свободу вероисповедания. При этом не надо забывать, что этот закон был положен в правовую основу всей деятельности республиканских ведомств и правоохранительных органов и продолжает действовать до сих пор. На основе этой нормативно-правовой базы были поставлены на профилактический учет некоторые «ваххабитские» мечети и их прихожане. В официальной статистике приводятся самые различные цифры: от 12 до 13 тыс. чел. А по данным социологических опросов, количество сторонников или симпатизирующих экстремистской идеологии и политике ИГИЛ, в республике еще больше – 3,4 %, что составляет 70 тыс. человек [1, с. 8].

Возможно, в определенных условиях острого идейного и вооруженного противоборства, когда ваххабизм был мировоззренческой основой для террористической деятельности, такая резкая тональность в его оценке была оправданной. Сейчас уже нет той остроты социально-политической ситуации, и у светских ученых и алимов появилась возможность спокойно, без ненужной политизации, пропагандистских лозунгов и штампов, а самое главное, с применением методологии конкретно-исторического подхода всесторонне разобраться с этим массовым явлением религиозной жизни, чтобы выработать

взвешенную политику государства, институтов гражданского общества, традиционного ислама, других конфессий по отношению к ваххабизму и вообще, к любому «изму».

Сказанное выше убеждает нас в том, что к ваххабизму, как и к любому социальному и духовному явлению, необходимо подходить дифференцированно, и вместо «навешивания ярлыков» стремиться раскрыть объективную картину. Тем более, не ко всякому исламскому фундаментализму подходит оценка «экстремистская идеология».

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

- чтобы эффективно преодолевать проявления экстремизма в сознании и поведении людей, необходимо различать политический, религиозно-политический и религиозный экстремизм;

- к оценке ваххабизма-салафизма, на идейной основе которого часто строится экстремистская деятельность, необходим конкретно-исторический подход. Не все его варианты являются непосредственной питательной почвой экстремизма, на что мы обратили особое внимание;

- на базе такого дифференцированного подхода нужно строить свою практическую работу всем государственным структурам, правоохранительным органам и институтам гражданского общества. Особенно это касается важности различения религиозного и религиозно-политического экстремизма.

Литература

1. [Абдулагатов З.М. О показателях экстремизма и терроризма в Республике Дагестан // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции \(18–19 ноября 2016 г.\) / под ред. проф. Яхьяева М.Я. – Махачкала: Алеф, 2016. – С. 3–4.](#)
2. [Бабаев Ф.М. Джихад как феномен в исламе // Исламоведение. – 2009. – № 1. – С. 40–50.](#)
3. [Беляев М. Городской Совет Дрездена заявил о «чрезвычайной ситуации» в связи с активностью неонацистов // <https://rtvi.com/news/gorodskoy-совет-drezdena-zayavil-o-chrezvychaynoy-situatsii-v-svyazi/>. Дата обр. 22.11.2019.](#)
4. [Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Размышления о судьбе России и Европы // \[http://yakov.works/library/02_b/berdyayev/1924_21.html\]\(http://yakov.works/library/02_b/berdyayev/1924_21.html\) . Дата обр. 18.01.2020.](#)
5. [Билалов М.И. Смена типов мышления в процессе «великого джихада» в исламе // Ислам в современном мире. – 2017. – № 13 \(1\). – С. 167–182.](#)
6. [Горяшко С. Европейская комиссия России не указ. Власти не стали сужать понятие экстремизма // Коммерсант. – 07.06.2016. – № 99.](#)
7. [Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. / пер. с англ. Н.Н. Марчук. – М.: Вече, АСТ, 1999 // <https://www.psyoffice.ru/6-567-milenarizm-i-milenaristkoe-dvizhenie.htm>. Дата обр. 01.03.2020.](#)
8. [Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. – Ростов н/Д, 2005. – 264 с.](#)
9. [Исход. – СПб.: Вита нова, 2015. – 288 с.](#)
10. [Коран / пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. – 3-е изд., доп. и перераб. – М., 1997.](#)

11. *Кураев А.* Меч лежит в колыбели ислама // <http://polit.ru/artikle/2013/04/30/Kuraev/>. Дата обр. 02.11.2019.

12. *Курамухаммад-хаджи Рамазанов.* Заблуждение ваххабизма в шариатских вопросах / пер. с аварского Магомедова У.Г. – 2-е изд. – Махачкала, 2008. – 200 с.

13. *Курбанов М.Г.* Проблема политического экстремизма в современном мире // Полиэтническое общество, власть и демократия в России: сб. ст. / под ред. акад. М.К. Горшкова и проф. А.-Н. З. Дибирова. – Москва–Махачкала, 2012. – С. 345–348.

14. *Ланда К.Г.* Экспертный совет при Антитеррористической комиссии в РД как эффективный институт в профилактике экстремизма и терроризма // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–19 ноября 2016 г.) / под ред. проф. Яхьяева М.Я. – Махачкала: Алеф, 2016. – С. 33–39.

15. *Левкович-Маслюк Л.* Предатор. Виджиланте. Бэкпейс // Компьютер. – 10.06.2007. – № 25–26 (693, 694) // http://www.xliby.ru/kompyutery_i_internet/zhurnal_kompyuterra_25_26_ot_10_iyulja_2007_goda_693_i_694_nomer/p10.php. Дата обр. 01.03.2020.

16. *Мухетдинов Д.В.* Хасан Ханафи: неомодернизм как теология освобождения // Ислам в современном мире. – 2019. – № 1. – С. 81–98.

17. *Новый завет Господа нашего Иисуса Христа.* – М.: Russian Bible, 2012.

18. Обращение – предупреждение к продавцам и распространителям печатной продукции // Ассалам. – 2004. – № 7.

19. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления; научная монография / под общей ред. проф. Яхьяева М.Я. – М.: Парнас, 2011. – 296 с.

20. *Рормозер Г.* Основы свободы: взаимоотношения свободы и фундаментализма // *Рормозер Г.* Кризис либерализма. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 214–229.

21. *Саймон Котти.* Джихадизм как субкультурный ответ на социальное давление: развитие тезиса «банды парней» Марка Сейджмана // Исламоведение. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 111–123.

22. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2003 № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // Собрание законодательства РФ. – 2003 – № 2. – Ст. 155.

23. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2007.

24. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 1. – С. 29–36.

25. *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.

26. *Якупов М.Т.* К проблематичности принципа таухида в ваххабизме // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика; материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 6 июня 2019 г.) / сост. Зинурова З.С., Фахретдинов Т.Р., Хазиев В.С., Юлбаев Р.З. – Уфа: Изд-во ИП Кузнецов Н.В., 2019. – С. 365–369.

27. *Яхьяев М.Я.* Политические истоки и причины разногласий и расколов в исламской умме // Исламоведение. – 2017. – № 4. – С. 32–42.

References

1. Abdulagatov Z.M. On the Indicators of Extremism and Terrorism in the Republic of Dagestan. *Strategy and Tactics of Counteracting the Challenges of Extremism and Terrorism in Russia at the Present Stage: Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference (November 18–19, 2016)*. Ed. by Prof. M.Ya. Yahyaev. Makhachkala. Alef, 2016. Pp. 3-4. (in Russian)
2. Babaev F.M. Jihad as a Phenomenon in Islam. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2009, № 1. pp. 40–50. (in Russian)
3. Belyaev M. *The City Council of Dresden Declared an Emergency in Connection With the Activities of Neo-Nazis*. // <https://rtvi.com/news/gorodskoy-sovet-drezdena-zayavil-o-chrezvychaynoy-situatsii-v-svyaz>. (in Russian)
4. Berdyaev N.A. *New Middle Ages. Reflection on the Fate of Russia and Europe* // http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1924_21.html. (in Russian)
5. Bilalov M.I. Change in the Types of Thinking in the Process of "Great Jihad" in Islam. *Islam in the Modern World*. 2017, no. 13 (1). Pp. 167–182. (in Russian)
6. Goryashko S. Russia Does Not Take Orders From the European Commission. The Authorities Refused to Narrow the Concept of Extremism. *Kommersant*, 06.07.2016, № 99. (in Russian)
7. Jerry D., Jerry J. *Unabridged Explanatory Sociological Dictionary*. In 2 volumes: Transl. from English by N.N. Marchuk. Moscow. Veche, AST, 1999 // <https://www.psyoffice.ru/6-567-milenarizm-i-milenaristskoe-dvizhenie.htm>. (in Russian)
8. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. *The Essence of Culture*. Rostov-on-Don, 2005. 264 pp. (in Russian)
9. *The Exodus*. St. Petersburg: Vita Nova, 2015. 288 pp. (in Russian)
10. *The Quran* / Translation of meanings and comments by V. Porokhova. – 3rd ed., supplemented and revised. Moscow, 1997. (in Russian)
11. Kuraev A. *The Sword Lies in the Cradle of Islam* // <http://polit.ru/artikle/2013/04/30/Kuraev>. (in Russian)
12. Kuramhammad-Haji Ramazanov "The Fallacy of Wahhabism in Shariah Issues". Transl. from the Avar language by U.G. Magomedova. 2nd edition. Makhachkala, 2008. 200 pp. (in Russian)
13. Kurbanov M.G. *The Challenge of Political Extremism in the Contemporary World*. Polyethnic Society, Power and Democracy in Russia: collection of papers / Ed. by Acad. M.K. Gorshkov and Prof. A.-N. Z. Dibiroy. Moscow – Makhachkala, 2012. pp. 345–348. (in Russian)
14. Landa K.G. Expert Council Under the Anti-Terrorism Commission in the Republic of Dagestan as an Effective Institution in the Prevention of Extremism and Terrorism. *Strategy and Tactics of Counteracting the Challenges of Extremism and Terrorism in Russia at the Present Stage: Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference (November 18–19, 2016)*. Ed. by Prof. M.Ya. Yahyaev. - Makhachkala: Alef, 2016. pp. 33–39. (in Russian)
15. Levkovich-Maslyuk L. *Predator. Vigilante. Backspace*. Computer, 06/10/2007, № 25 – 26 (693, 694) // http://www.xliby.ru/kompyutery_i_internet/zhurnal_kompyuterra_25_26_ot_10_iyulja_2007_goda_693_i_694_nomer/p10.php. (in Russian)
16. Mukhetdinov D. V. Hassan Hanafi: Neo-modernism as a Theology of Liberation. *Islam in the Contemporary World*. 2019, № 1. pp. 81–98. (in Russian)
17. *The New Testament of Our Lord Jesus Christ*. Moscow. Russian Bible, 2012. (in Russian)

18. Appeal and Warning to Sellers and Distributors of Printed Materials. *Assalam*. 2004. April, № 7. (in Russian)
19. *Religious and Political Extremism: Nature, Causes, Forms of Manifestation and Ways to Overcome. Scientific Monograph* / Under the General Ed. by Prof. M.Ja.Yahyaev. Moscow. Parnas, 2011. 296 pp. (in Russian)
20. Rormozer G. *Fundamentals of Freedom: the Relationship of Freedom and Fundamentalism* / Rormozer G. The Crisis of Liberalism. Moscow. IF RAS, 1996. pp. 214–229. (in Russian)
21. Simon Cotti. Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's "Bunch of Guys" Thesis. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2018. Vol. 9, № 3. pp. 111–123. (in Russian)
22. Federal Law of the Russian Federation dated 10.01.2003 No. 3-ФЗ "On Ratification of the Shanghai Convention on the Suppression of Terrorism, Separatism and Extremism". *Body of Laws of the Russian Federation*. 2003, № 2. Art. 155. (in Russian)
23. Huntington S. *The Clash of Civilizations*. – М.: AST, 2007.
24. Shanghai Convention on the Suppression of Terrorism, Separatism and Extremism of 06/15/2001. *Bulletin of International Treaties*. 2004, № 1. pp. 29–36. (in Russian)
25. Eco U. The Middle Ages Have Already Begun. *Foreign Literature Tour*. 1994, № 4. pp. 258–267. (in Russian)
26. Yakupov M.T. On the Problematic Nature of the Tawhid Principle in Wahhabism. *Counterterrorism Ideology: Concepts and Targeted Prevention. Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference* (Ufa, June 6, 2019) / Compilers: Zinurova Z.S., Fakhretdinov TR, Khaziev V.S., Yulbaev R.Z. Ufa: Publishing House of IP Kuznetsov N.V., 2019. pp. 365–369. (in Russian)
27. Yahyaev M.Ya. Political Origins and Causes of Divisions and Schisms in Islamic Ummah. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2017, № 4. pp. 32–42. (in Russian). (in Russian)